

Натали МакКорни

Обнаженное сердце

От автора

Предлагаемая читателю книга повествует о женщине, пытающейся найти свое место в окружающем мире, полном любви и ненависти, жестокости и милосердия, добра и зла...

Больное, но храброе сердце ведет героиню к открытиям, которые, казалось, сама судьба пыталась от нее утаить. Принятое решение изменить свою жизнь к лучшему непредсказуемо отражается на близких и дорогих ей людях, проливая свет на покрытые тайной и почти ушедшие в забвения события и факты из жизни ее семьи. Лишь на грани между жизнью и смертью ей откроются глубоко спрятанные секреты.

Выражаю искреннюю благодарность за ценные советы и замечания при подготовке рукописи своему дорогому и любимому мужу Эндрю МакКорни.

*С любовью,
Натали МакКорни*

Глава 1

Они смотрели на упакованные вещи с высоты пятого этажа. Немногочисленная мебель, огромные связки домашней утвари, одежды, подушек с одеялами, книг и прочие предметы, завернутые в покрывала, набитые в картонные коробки или просто несколько раз перевязанные бечевками, — все это занимало весь тротуар и часть проезжей части под окнами их дома. Здесь они прожили ровно год.

Обе головы синхронно склонились, разглядывая свое недорогое имущество. Большею частью оно досталось им от Катиной бабушки, которая оставила свою однокомнатную квартиру внучке в наследство. После смерти восьмидесятилетней женщины полгода квартира пустовала. Катя с Павлом поженились после окончания медицинского института, на следующий день после защиты дипломов, и вскоре переехали в родной Катин город Зареченск, где и стали новыми хозяевами этой небольшой жилплощади.

— Ты бы мог подумать, что у нас такое огромное количество вещей? — спросила Катя, продолжая разглядывать свое богатство. — Удивляюсь, как все это умещалось в нашей квартирке.

Легкий ветерок поднимал потоки горячего

воздуха от накалившегося асфальта, принося с собой смесь запахов городских улиц и томящихся под июльским солнцем растений.

— Как жарко, — выдохнула Катя, отодвигая локоть от горячей кожи Павла, так же как и она опиравшегося на узкий подоконник настезь распахнутого балкончика.

Его рука тут же переместилась на ее талию и стала плавно опускаться ниже, осязая упругие округлости бедер.

— Пашка, и так жарко, — сказала она, слегка тряхнув ягодицами в попытке убрать его горячую руку.

На это движение он отреагировал более настойчивой попыткой добраться до оголенных участков ее тела. Рука скользнула под короткую легкую юбочку из нейлона на гладкой шелковой подкладке. Пальцы медленно забирались под краешки мягких трусиков, не противившихся тому, чтобы разделить с ними интимный контакт с влекущими частями женской плоти.

— Пашка, они скоро приедут, перестань, — пыталась возражать Катя, задерживая дыхание от пробежавшего по всему телу возбуждения.

— Мы еще успеем, — негромко говорил Павел, подвигаясь к ней сзади. — Последний раз все-таки в этой квартире.

Издав еле слышный звук, она непроизвольно

подалась навстречу его настойчивым пальцам. Спешным движением руки он стягивал мешавший кусочек материи, который будто нарочно цеплялся за все изгибы ее плавных линий. В нетерпении она слегка приподнимала бедра и переминалась с ноги на ногу, помогая ему избавиться от ненужной части ее нижнего белья. Наконец отделив от полусогнутой ноги непослушный лоскут ткани, он обхватил ее лодыжки горячими ладонями и стал подниматься выше, страстно сжимая ее тело сильными руками.

— Давай уйдем в комнату, — неуверенно предложила Катя.

— Кто здесь увидит? — шепнул он ей на ухо, ближе подвигаясь к ее разгоряченному телу.

Его ладони крепко держали ее бедра, уверенно двигая их навстречу собственным толчкам.

— Не забывай: с минуты на минуту должны приехать, — с неровным дыханием говорила Катя и полностью предоставляла себя его необузданному желанию.

— Скоро. Хочется продлить, как всегда, — говорил Павел, крепко прижимая ее к себе. — Ты — это просто сумасшествие.

Она по-прежнему упиралась локтями в маленький подоконник балконного окна, не желая прерывать установившийся с ним контакт. Все

ощущения были сосредоточены в горячей глубине ее тела. Он медленно двигался внутри нее, одной рукой обхватив тонкую талию, а другой сжимая маленькую упругую грудь. Не в силах больше сдерживать себя, они вместе взорвались, высвобождая легкий стон и дополнительный жар в и без того накаленное окружающее пространство.

— Смотри, смотри, едут, — вдруг ожила она и ловко подхватила валявшиеся неподалеку трусики, стараясь на ходу натянуть их на заплетавшиеся ноги.

— Я ж говорил, успеем, — улыбался Павел, глядя на нее слегка осоловелыми глазами.

Четверо мужчин энергично загружали подготовленные к отправке вещи. Двое из них: один плотного телосложения с крепкими, как тиски, руками слесарь, другой — чуть ниже ростом, худощавый, но жилистый грузчик, привычный, судя по ловкости и точности всех его движений, к такому типу работ, — с удовольствием предложили свою помощь Кате. Они вместе работали в поликлинике. Третий из мужчин был коллегой Павла из больницы, в которую тот устроился работать после института. Несмотря на слишком интеллигентный вид, в пользу которого также говорили аккуратные, в тонкой золотистой оправе очки и слегка семенящая походка, он уверенно

держал, казалось бы, неудобные, громоздкие части мебели тонкими, но сильными руками, умело справлявшимися со всем набором хирургических инструментов в рабочее время.

Катя, как курица, носилась возле картонных ящичков с завернутой в толстый слой газет посудой, которую она тщательно подбирала соответственно своему вкусу в местных и столичных магазинах. В ее голове пронеслись разные эпизоды, связанные с проживанием в этой квартире, отчего она непроизвольно улыбнулась. Она вспомнила, как они с Павлом покупали эти вещи, перевозили многие более крупные из них по снегу на старых, но все еще прочных санках (они остались в бабушкиной квартире со времен Катиного детства) и затем подбирали наиболее подходящее для купленной мебели и утвари место.

Катя снова окинула взглядом свое гнездышко, в котором они провели все эти дни и ночи, насыщенные рабочими буднями вперемешку с периодами долгожданных праздников и выходных, когда они могли в полной мере насладиться друг другом в своей необузданной любви и страсти.

— Это поставьте где-нибудь сверху на диван и укутайте одеялами, — давала она указания грузчикам, протягивая старенькое, прохудившееся во многих местах ватное одеяло.

Они справились быстрее, чем рассчитывали.

Средних лет коренастый мужчина с черными, вперемешку с еле заметной сединой усиками ловко заскочил в кабину, готовый завести свой грузовичок.

— Скоро, Максимыч. Мама вот-вот подойдет, — говорила Катя, улыбаясь мужчине, который недавно устанавливал дополнительные батареи в их квартире.

— Не волнуйся, Катюша. Сегодня у меня целый день свободен, — успокоил слесарь. — Ты же знаешь, что для тебя я все сделаю.

Затем, высунувшись из опущенного окна кабины, он обратился к Павлу:

— Повезло тебе с женой, дружище. Всегда с улыбкой на лице. Приветливая такая, никогда не пройдет мимо, всегда поговорит, о делах справится. У нас все ее любят.

— Я знаю, — отвечал Павел, обнимая за плечи жену. — И я ее тоже люблю.

— Живите счастливо и берегите друг друга, — продолжал искренне говорить мужчина.

— А как же, Максимыч. Иначе бы мы не женились, — отвечала Катя.

— Когда мама должна подойти? — повернулся к ней Павел, вытирая тыльной стороной ладони стекавшие со лба тоненькие струйки пота.

— Минут через десять, как мы ей говорили, — ответила Катя, глянув на часы.

Она наклонилась за стоявшим на тротуаре высоким, не в меру разросшимся алоэ, который еле умещался в тесном горшке.

— А вот и она, — кивнула в сторону Катя, прижимая к себе растение.

Павел обернулся в направлении, куда смотрела жена.

— Вы как знали, что мы раньше управимся, — улыбнулся он, приветствуя тещу.

На лице женщины проступало плохо скрываемое волнение.

— Мама, мы будем приезжать, да и тебя скоро заберем в Горск, — пыталась успокоить ее Катя.

— Молодежь все равно никогда не слушается своих родителей. Устроились здесь хорошо, работали. Что еще надо? Зачем вам этот институт? От добра добра не ищут. Были бы здесь все вместе, — говорила Елена Аркадьевна, переводя взгляд с одного на другого. — Ну да толку-то теперь.

Женщина махнула рукой, подходя к машине с упакованными вещами.

— Вы хоть веревками перевязали? — спросила она, заглядывая в глубину открытого кузова. — Диван и кресла надо бы прикрепить к бортам, чтоб не ездил по полу в дороге.

Она пыталась еще больше привстать, разглядывая содержимое грузовика. Широкая

высокая танкетка легких босоножек с открытыми пальцами не помогала ей стать выше, и Елена Аркадьевна покорно опустила на всю подошву, поворачиваясь в сторону дочери.

— Цветы в кабину возьми, на пол, ногами будешь придерживать, — говорила она, кивая на горшок с алоэ, который держала Катя, и на толстый цветущий кактус, еще стоявший на тротуаре. — Ну, давайте прощаться. Звоните, как только доберетесь до места.

— Так Мишка уже будет вас встречать там? — посмотрела она на Павла.

— А, да, обещал подойти. Теперь мы будем жить с ним по соседству, — ответил зять, закрывая задний борт грузовика.

— Ну, хоть с ним там дружите. Вы ж с ним как братья всегда были, — говорила взволнованная женщина, обнимая дочь.

— Не волнуйся, мама. Все к лучшему. Ну что сидеть в этом районном центре, где одна поликлиника и два кинотеатра на весь город? Да и в институте нас знают. Будем работать с нашими бывшими преподавателями, сокурсниками, Мишкой.

Катя прижимала маму, пытаясь отвлечь ее от грустных мыслей. Примерно одного роста, мать с дочерью больше походили на сестер. В свои годы Елена Аркадьевна по-прежнему оставалась хорошо

сложенной и изящной, с едва уловимой чувственностью в каждом движении ее тела, которая свойственна лишь женщинам ее возраста, переживающим период особой сексуальности тогда, когда сорокалетний рубеж уже преодолен. Шелковистые каштановые волосы, переливавшиеся благородными оттенками коричневого цвета в лучах щедрого солнца, плавно загибались на концах, аккуратно обрамляя худое смугловатое лицо, на котором сразу же выделялись большие карие глаза. Слегка потерявшая свою упругость кожа верхних век и разбегавшиеся в разные стороны тонкие ниточки морщинок, обозначавшиеся вокруг глаз всякий раз, когда она улыбалась, были единственными атрибутами ее зрелых лет, что давало основание какому-либо незнакомцу принять ее за старшую из сестер.

— Ну, поезжайте с Богом. Давай, Паш, пока. Где ключи? Скоро подойдет новый хозяин. Береги ее, — говорила теща, целуя наклонившегося к ней парня.

— А, да, мам, забыла сказать, — выглянула из кабины Катя. — Мы будем работать у Потапова на кафедре биохимии. Он теперь заведует этой кафедрой. Ну, все, пока.

Елена Аркадьевна не вымолвила ни слова, чувствуя, как кровь резко отхлынула от ее лица, и была рада, что дочь не видела этого.

Отшатнувшись, она неуверенно прошла к скамеечке у подъезда и безжизненно опустилась на деревянные перекладыны.

В окно увозившего их грузовика Катя с грустью рассматривала остававшиеся позади знакомые дома и улочки города, в котором прошли ее детство и юность. Она лишь ненадолго задержала взгляд на поликлинике, где работала она и где всю жизнь в регистратуре проработала мама, и повернулась прямо, с надеждой и радостью глядя вперед, навстречу открывавшемуся перед ней манящему и неизвестному будущему. Ее крошечная ладонь уютно разместилась на колене мужа, и она стала представлять их новую жизнь в городе, в котором все стремились остаться после окончания учебы, а также их работу в институте, где лишь немногим выпускникам удавалось продолжить свою карьеру.

— Так ты точно уверен, что он и меня пригласил на кафедру? — повернулась Катя к мужу, все еще не веря в свою удачу.

— Конечно, — засмеялся Павел. — Тебя и меня. Ему нужен был один преподаватель, а потом освободилось еще одно место. Так что не сомневайся, с первого сентября ты будешь преподавателем Горского медицинского института.

После недолгой паузы Павел слегка наклонился к ней, поглаживая ее руку:

— Я знаю, что ты больше хотела бы заниматься кардиологией. Но так уж получилось. Ты знаешь, что я хотел встретиться со Смирновым. Кардиохирургия была бы интересней, но на лестнице увидел Потапова. Тот так удивился, сразу в кабинет к себе потащил, ну и... ты знаешь.

Катя провела взглядом взметнувшуюся вверх стайку воробьев, потревоженную незаметно подобравшимся к ним черным котом. Он вынырнул из-за покосившегося заборчика, которым была огорожена цветочная клумба в одном из старых дворов. Периодически она поправляла опасно наклонявшийся на каждом повороте горшок с алоэ.

— Интересно, почему Потапов оставил кардиохирургию? — спросила Катя.

— Сказал, что устал от операций, вот и пошел на освободившееся место заведующего кафедрой биохимии. Я удивился, когда в деканате мне сказали, что Смирнов уже заведует кардиохирургией. Я-то был уверен, что Потапов. Тогда бы не было проблем договориться. Все-таки он предлагал мне идти в ординатуру и оставаться на кафедре. А Смирнов, кто его знает. Он вроде бы мужик ничего, тоже хорошо ко мне относился, но не был моим непосредственным руководителем.

— А Прудников работает еще? — вдруг оживилась Катя, вспоминая своего любимого преподавателя. — Он же собирался уходить год

назад.

— Твоя любовь? — засмеялся Павел. — Да. Остался еще. Ему ж уже под семьдесят.

— Никогда не скажешь, что ему столько, — сказала она и после небольшой паузы добавила. — Таких интеллигентных людей нечасто встретишь. Наверное, Смирнов уговорил его остаться. Он же был его учеником.

— Ну вот, Максимыч, почти и приехали, — обратилась Катя к водителю, увидев впереди знакомый высокий пьедестал из камня с установленными на нем вытянутыми красными буквами, вместе образующими название города, в который они въезжали.

— Да, Катюша, почти на месте, — ответил грустный, всю дорогу пыхтевший сигаретой мужчина.

Грузовик медленно подъехал к девятиэтажному дому, в котором была их новая квартира. Стайка детворы с визгом носилась во дворе, создавая ощущение давно установившегося здесь порядка. Этот своеобразный порядок утверждал продолжение жизни на уровне маленького сообщества людей, объединенных проживанием в нескольких соседних домах, которые выходили своими окнами и подъездами навстречу друг другу. Громкий плач раздался из песочницы, где два маленьких обитателя не могли

поделить небольшую кучку свеженасыпанного песка и теперь угрожающе махали пластмассовыми лопатками перед своими рассопливившимися носами.

— Денис, зайди с другой стороны. Там тоже много песка, — кричала из окошка застекленного балкона женщина с растрепанными, спешно собранными резинкой светлыми волосами.

Где-то справа пронзительно визгнула тормозами трогаящаяся с места «вольва». Откуда-то из дальних дворов доносилось протяжное эхо от энергично выбиваемых кем-то ковров. Все вместе звуки складывались в хорошо знакомую хаотичную мелодию, создаваемую многочисленными объектами этой урбанизированной реальности.

— Так быстро приехали, я даже не заметила, — удивилась Катя, сверкая своими огромными темными глазами.

— Так сколько тут? Два часа езды, — коснулся ее вздернутого носика Павел. — Смотри, Мишка уже ждет.

Они вышли из машины, приветствуя друга.

— Ну что, «будем дружить домами», — засмеялась Катя, пожимая Мишину руку.

— «Встречное предложение — дружить семьями», — ответил тот, обнимая ее.

Когда все вещи были в квартире, они безжизненно упали на разложенный диван.

— Я не чувствую спину, — проговорил Павел, глядя в потолок.

— Слишком много сил было потрачено сегодня, — отвечала, лежа на спине, Катя.

— Ты на что-то намекаешь? — приподнялся на локте Павел. — Кстати, мы еще не делали этого в новой квартире.

Его рука скользнула по внутренней стороне ее бедер, поднимая юбочку и открывая знакомые трусики.

— Ты что, издеваешься? — проговорила Катя, не меняя положения.

— Нет, конечно.

Он водил пальцами по нежной ткани, повторявшей очертания интимных изгибов.

— Почему ты такая сладкая, Катька? — спрашивал он, придвигаясь ближе.

— У вас, мужиков, только одно на уме, — отвечала она.

— Если бы этого не было на уме у мужиков, жизнь давно бы прекратилась, так и не начавшись, — говорил Павел, забывая об усталости.

Стоя на коленях у дивана, он торопливо расстегивал джинсы, еле сдерживавшие распиравшее их содержимое, потом поспешно

вошел в нее, совершая быстрые и резкие движения, в такт которым диван негромко ударялся в стену, обозначая тем самым присутствие новых жильцов в долго пустовавшей квартире.

Глава 2

Утреннее солнце, бесцеремонно господствовавшее в большой комнате с голыми окнами, настойчиво щекотало Катино лицо. Прозрачное стекло, не прикрытое занавесками, поблескивало, отливая тусклым светом в местах с серо-коричневыми разводами, оставленными многочисленными дождями, которые долгое время обрушивали на него свою смешанную с пылью воду. Катя медленно провела пальцем по скользкой поверхности, думая о том, сколько ей предстоит работы, чтобы привести в порядок надолго оставленную без внимания хозяев квартиру. Ладонь скользнула ниже по оконной раме, отмечая ее неровности и большие щели между деревом и стеклом. «Зимой здесь должно быть холодно», — подумала она. Аромат кофе, распространившийся по всей квартире, заставил ее окончательно проснуться.

— Доброе утро, котенок, — проговорила Катя, появляясь в легком ситцевом халатике в двери крошечной кухоньки, где у плиты стоял

Павел. — Утро, а уже жарко.

Она сзади обхватила мужа за талию, слегка повиснув на нем, и уткнулась лицом в широкую крепкую спину.

— Привет, солнце, — ответил он, поворачиваясь к ней. — Ты еще спишь, глаза еле открываются.

Он наклонился и чмокнул ее в нос, отчего она слегка поморщилась и провела по месту поцелуя тыльной стороной ладони.

— Не щечочи, — проговорила она, слегка надувая свои аккуратные выступающие вперед губки.

Он снова наклонился к ней, захватил своими губами сначала ее нижнюю, а затем верхнюю губу, и они застыли в страстном поцелуе.

— Какая же ты любимая и желанная, Катерина, — проговорил он, сжимая ее в своих объятиях. — Вечером я зацелую тебя всю. А сейчас кофе — и за работу.

Весь день они передвигали мебель, пересортировывали привезенные вещи и попутно делали мелкий ремонт в недавно купленной квартире. Несмотря на небольшую площадь, почти соизмеримую по размерам с их прежней однокомнатной квартирой, Катя сразу же почувствовала себя здесь как дома. Просторный зал встык сходиллся с вытянутой спальней, которая

сначала показалась подобием узкого коридора, но благодаря обилию дневного света, поступавшего в нее из расположенного на южной стороне окна, вовсе не была угрюмой, а скорее приветливой и по-своему уютной. Стены маленькой прихожей были оклеены светло-сиреневыми обоями, создававшими впечатление большего простора. Но это не увеличивало ее размеров, так что здесь могло разместиться не более трех человек. Большое овальное зеркало в плетеной раме с левой стороны почти касалось крошечного встроенного шкафа, а с правой — вплотную соседствовало с двумя темно-коричневыми навесными полками. Они были заняты многочисленной парфюмерией, помадой, расческами, ключами и другими мелочами и, в свою очередь, упирались в наличник двери, ведущей в спальню. Узенький, не более двух метров длиной коридорчик соединял прихожую с такой же маленькой кухней. Снизу доверху она была выложена большого размера, белой, с легкими розоватыми разводами плиткой, которая, с одной стороны, визуально увеличивала ее площадь, а с другой — даже в мрачные дождливые дни отражала значительное количество дневного света, попадающего сюда с северной стороны. На участке между кухней и прихожей располагались ванная и туалет. Их стены были облицованы плиткой среднего размера с абстрактными линиями на

бежевом фоне. Катя с Павлом нашли очень удачным решение прежних хозяев убрать ванну и поставить в углу крохотной комнаты небольшую душевую кабину, предоставляя оставшееся место стиральной машине, ради которой не пришлось жертвовать умывальником, как это делали многие жильцы квартир подобной планировки.

— Хорошо, что все здесь в сравнительно неплохом состоянии, — говорила Катя. — Иначе бы мы просто не потянули еще и капитальный ремонт, как Мишка. Помнишь?

— О да. Ему пришлось всю плитку со стен обдирать, все обои переклеивать. Б-рррр, — потрянул головой Павел. — Вообще повезло, что все так удачно завершилось с этой покупкой.

— Жаль, что так не получилось год назад. Тогда бы ты точно смог спокойно продолжать учебу в ординатуре, — говорила Катя, попутно протирая пыльные полки и расставляя на них книги. — А так год потеряли.

— Год назад цены на квартиры были в три раза выше, — ответил Павел.

Он пытался передвинуть в угол только что собранный шкаф, отгоняя Катю, все время пытавшуюся ему помочь:

— Я сам, не мешай.

— В общем, правильно выбрали момент. Я не думаю, что цены все время будут такими

смешными. Они обязательно поднимутся рано или поздно опять. Слушай, а тебе не кажется, что Мишка какой-то не такой, более молчаливый, что ли, стал? Как он вообще отреагировал на наш переезд? — спросила Катя, задумчиво поднимая на мужа глаза.

— Да я бы не сказал, что с энтузиазмом, — сказал Павел, садясь на диван, чтобы перевести дух. — Растерянный какой-то был. Потом, по-моему, справился с эмоциями и стал поздравлять. Я думаю, что эта новость была для него неожиданной.

— Теперь вместе с ним будем работать на одной кафедре. Может, ему это не очень нравится? — приподняла свои тоненькие черные брови Катя.

Павел сверкнул голубыми округлыми глазами:

— Ну, не придумывай. Если бы я не поговорил с Потаповым год назад, Мишка никогда бы не работал в институте. Он это хорошо понимает, потому что был совершенно незаметным средним студентом, а другом, кстати, просто замечательным.

— А как теперь с его диссертацией? — Катя вопросительно посмотрела на Павла.

— Потапов теперь его новый руководитель. Но Мишка сказал, что у него уже почти все готово.

Прежний руководитель ему за год прилично помог. Так что к окончанию ординатуры планирует защититься.

Павел во весь рост распластался на диване, раскинув в стороны длинные руки.

— Ха, — вдруг усмехнулась Катя. — Значит, чтобы стать кандидатом наук, не обязательно быть отличником. Нужно просто иметь хорошего руководителя.

— А ты не знала? — с улыбкой посмотрел на нее муж.

— Я думала, что в ординатуре учиться и защищать диссертации в первую очередь должны самые достойные, а не самые удачливые и пронирыливые, — Катя даже слегка обиженно поджала нижнюю губу.

— Хорошо, что Мишка тебя не слышит. Обиделся бы, — засмеялся Павел, обнажая свои аккуратные ровные зубы, и уткнулся лицом в диван.

Ничего не сказав, Катя встала и продолжила расставлять вещи на подготовленные полки. Спустя несколько минут она услышала ровное посапывание уставшего за день мужа и тихо перешла в другую комнату. В одном из картонных ящиков с еще не разобранными вещами она натолкнулась на семейный фотоальбом. Поток воспоминаний лишь усиливался с каждой

переворачиваемой страницей. Она задержала взгляд на студенческой фотографии отца, где он стоял в обнимку со скелетом на лабораторном занятии по анатомии. На другом снимке он с мамой в общежитии готовил обед. Счастливые лица мамы на фотографиях лишь усилило ее грустное настроение. Катя очень жалела, что ей так и не довелось увидеть своего отца. Судя по фотоснимкам и маминым рассказам, он был очень веселый и симпатичный.

Катя не любила расспрашивать маму об отце, потому что это всегда вызывало поток слез у оставшейся без любимого мужчины женщины. Даже спустя годы боль утраты в глубине ее души не проходила, а, казалось, притаилась до поры до времени. Из скудных маминых рассказов Катя узнала, что родители встретились в институте и не успели расписаться. Отца сбил автомобиль на одной из улиц Горска, когда мама была на первом месяце беременности. Не справившись с потерей, она оставила институт, лишь немного не доучившись, и уехала к своей матери в Зареченск, где и появилась на свет Катя.

«Беда не приходит в одиночку», — часто повторяла Елена Аркадьевна. В роддоме ее крошечная дочь перенесла одновременно стрептококковую и вирусную инфекцию, чудом

оставшись в живых. Позже подрастающая девочка постоянно жаловалась на сердечные боли. Врачи ставили разные диагнозы, больше склоняясь к ревматизму. Однако симптомы то исчезали, то появлялись вновь. Со временем тяжесть в области сердца прошла, но остались тахикардия и одышка. С окончанием переходного возраста Катю перестало беспокоить и это, хотя слабые шумы в сердце иногда прослушивались. Изредка без явных причин у нее начинался легкий озноб, обычно прекращавшийся в течение нескольких минут.

Елена Аркадьевна всячески старалась ограничить дочь в любых физических нагрузках особенно после того, как однажды на уроке лечебной физкультуры она потеряла сознание. Ярко выраженных патологий сердца, как и других органов, тем не менее у Кати выявлено не было. Всю жизнь она находилась на учете у кардиолога, и ее «пляшущие», по словам врача, электрокардиограммы приводили в тупик даже известных специалистов своим непостоянством, демонстрируя то норму, то умеренные отклонения от нее.

Проблемы со здоровьем полностью убедили Катю пойти в медицинский институт, чтобы, как часто с улыбкой повторяла она, разгадать тайну «загадочного Y-зубца», оставшегося всегда неизменным на ее кардиограмме. Мама, казалось,

пришла в полное отчаяние, узнав о решении дочери поступать в институт, который так и не смогла закончить она сама. «Какой институт? — причитала она. — Ты хочешь, чтобы я здесь с ума сходила, не зная, как ты там. Пойдешь в медицинское училище или какой-нибудь техникум здесь на месте — и достаточно». В такие моменты Катя лишь замыкалась в себе и никак не реагировала на мамины слова, а по окончании школы просто спросила, не поедет ли она с ней в Горск подавать документы в институт.

Появившийся в комнате Павел слегка напугал ее. Она даже встрепенулась.

— О, воспоминания, — проговорил он, потягиваясь.

— Да. Мама какая-то напряженная, с тех пор как узнала, что мы идем работать в институт. Почему она так переживает? — произнесла Катя, пальцем упираясь в собственную щеку.

— Родители всегда за что-то переживают, — проговорил, зевая, муж. — И, потом, твоя мама встретила и потеряла здесь мужа, да еще и институт не закончила. Не совсем хорошие, а точнее совсем нехорошие ассоциации связаны у нее с этим заведением. Но ты не огорчайся. У тебя своя жизнь. Так что там у нас перекусить?

Катя перевела взгляд на мужа. Высокий,

худощавый, он не походил на солидного преподавателя вуза. Она улыбнулась при этой мысли, не смея ее озвучивать. С первой их встречи Катя была очарована его внешностью: прямой греческий нос, небольшой рот с упругими, слегка выпячивающимися вперед губами и, конечно же, секрет его обаяния, по мнению Кати, — небесного цвета, выразительные, округлые глаза. Они играли всегда, когда его лицо меняло свое выражение, делая его живым и еще более привлекательным. Насыщенный голубой цвет становился мягче всякий раз, когда он с нежностью смотрел на Катю. Она любовалась своим мужем, радуясь тому, что они вместе. Он почувствовал, что жена с любовью думает о нем, и улыбнулся ей в ответ, приглаживая рукой недлинные волосы, будто боясь, что они свалятся ему на лоб.

— Как ты мог меня выбрать? — спросила его Катя. — Такую невзрачную да еще больную.

— Не напрашивайся на комплименты, — проговорил он все с той же улыбкой, делающей черты его лица еще более приятными и благородными. — Ты просто прелесть в миниатюре.

Катя встала и подошла к зеркалу. Густые, темные волосы обрамляли ее большой гладкий лоб. Глубокие карие глаза, доставшиеся ей в наследство от мамы, выделялись на фоне матовой, слегка

загорелой кожи, придавая особую загадочность и очарование всему ее облику. Небольшой ровный нос гармонично сочетался с аккуратным, чуть припухлым и оттого казавшимся более чувственным ртом, который непроизвольно приковывал к себе взгляды сильной половины человечества, пробуждая желание непременно попробовать его на вкус. Овальное личико плавно сужалось в направлении заостренного подбородка, в целом являя собой завершенный образец женственности. Мгновенно вспыхивавшие в минуты недовольства искорки в ее глазах лишь больше подчеркивали их выразительность и красоту. В такие моменты на ее лице проступала особая трогательность, свидетельствующая о мягкой и доброй натуре его обладательницы.

— С детства мечтала быть балериной, — произнесла она, поднимая руки и становясь на носочки, как в танце маленьких лебедей.

— Ты и есть моя маленькая балерина, изящная и красивая, — сказал Павел, подходя к ней сзади и обнимая за талию.

— Я едва достаю тебе до подбородка, и то когда встаю на носочки, — поднимая на него глаза, говорила Катя.

— Я люблю тебя, крошка, — сказал Павел и, как пушинку, подхватил ее на руки.

Они стояли в душе, попеременно подставляя свои тела теплым водным струйкам, и старательно втирали мыльную пену в кожу друг друга. Ладони Павла медленно скользили по Катиным плечам, перемещаясь к упругим холмикам с топорщившимися кончиками на их вершинах. Большими пальцами он нежно водил по ним, преодолевая их легкое сопротивление. В ответ Катя слегка выгибала спину, пребывая во власти сладкого возбуждения. Его руки заботливо изучали все изгибы ее тела, беспрепятственно продвигаясь ниже. Прозрачная вода уносила с собой клочки ватной пены. Павел прильнул горячими губами к ее упругому телу. Катя невольно подалась навстречу движениям его языка, нежного и ненасытного, и закрыла глаза, издавая негромкий стон и ощущая сладкую негу, сопровождавшую выброс ее эмоций.

Глава 3

— Нет, что-то не то, — снимала с себя вторую блузку Катя. — Пашка, что мне одеть?

Она растерянно разводила руками, критически осматривая себя в зеркало.

— У меня ответственная встреча. Я должна понравиться своему будущему начальнику, — говорила Катя, перебирая свой гардероб.

— Не понимаю, что тебя не устраивает, —

отвечал Павел, поправляя воротничок своей белой, в тонкую полоску рубашки. — И вообще, это просто формальная беседа. Не придавай этому слишком большого значения. Он простой и нормальный мужик.

Автобус остановился, и они направились к знакомому корпусу, расположенному рядом с остановкой. Катя даже задержала дыхание от неожиданно нахлынувших воспоминаний. Здесь она проучилась шесть лет, изучая сложные дисциплины, сражаясь с толстыми учебниками, а иногда сама с собой. Заветная кафедра кардиологии и кардиохирургии не открыла ей секрета «У-зубца». Но она научилась контролировать свое самочувствие: приступы сердцебиений прекращались, если она тот час же начинала дыхательные упражнения с задержкой выдоха. Лишь однажды Катя обратилась за помощью, когда устойчивая тахикардия не прекращалась несколько дней. Павел сопровождал ее в больницу, где ей сделали укол и посоветовали тщательно обследовать сердце. Из прежних симптомов остался лишь легкий озноб, который случался один-два раза в месяц и прекращался в течение нескольких минут. Но это не причиняло ей серьезного беспокойства, поэтому она давно приняла то, с чем ей суждено было жить, и наслаждалась жизнью.

С Павлом они познакомились в одной из свободных аудиторий, где иногда после лекций оставались студенты, чтобы подготовиться к зачету или семинару. Дух общежития часто не способствовал тому, чтобы отнестись к учебе серьезно, поэтому такая возможность была очень кстати для тех, кто хотел постичь основы науки и получить в конце концов образование. Многим это не удавалось: соблазны взрослой жизни и ослабленный после окончания школы контроль со стороны родителей расхолаживали значительную часть студенческой молодежи. Катя с самого начала понимала, что медицинский институт не зря считался очень сложным вузом как в силу своей дисциплинарной специфики, так и моральных обязательств, возлагаемых на будущих врачей, от решения которых часто зависит жизнь пациента. Обучение здесь было непростым: медицинские понятия, латинский язык, фармацевтическая терминология нагромождались в голове, доводя иногда до умопомрачения. Привычным было видеть, как некоторых студентов тошнило перед экзаменами или трясло в нервной лихорадке. За время учебы Кати и Павла имело место самоубийство и один случай тяжелого психического расстройства, закончившийся отправкой студента в клинику для душевнобольных.

Катя обладала великолепной памятью, чему завидовал Павел, когда дело доходило до заучивания наизусть латинских названий всех костей или других частей и органов человеческого тела. Он больше любил физиологические аспекты, где, по его словам, всегда можно было найти логические подходы и объяснения. Но в чем Павлу не было равных среди сокурсников — так это в руках, руках хирурга. Этим он сразу обратил на себя внимание и снискал уважение среди самых требовательных и именитых профессоров. Тщательность, скрупулезность и твердость присутствовали в каждом его движении настолько естественно, что казалось, он был рожден хирургом. Профессор нейрохирургии первым предложил ему стать его учеником, но Павла больше интересовала кафедра кардиохирургии, буквально гремевшая на всю страну своими инновационными подходами и успехами мирового масштаба. Этим коллектив был обязан прежде всего профессору Прудникову Василию Борисовичу, почетному члену международных медицинских академий, известному кардиохирургу, чьи достижения навсегда вошли в мировую практику медицины и стали неотъемлемой частью учебных пособий. Синдром Прудникова-Смита, уникальная техника замены клапана на работающем сердце, трансплантация сердца с рекордными сроками

восстановления пересаженного органа — лишь малая толика из всего его послужного списка.

Неудивительно, что все отличники хотели стать учениками и продолжателями дела Прудникова. В Горский медицинский институт стремились поступить молодые выпускники школ со всех уголков страны, чтобы оказаться на знаменитой кафедре. На лекции профессора Прудникова приходили студенты всех курсов, бывшие выпускники, практикующие врачи, поэтому в его распоряжении находилась самая большая аудитория института. С его первых слов Катя была настолько восхищена личностью этого человека, что могла снисходительно смотреть на некоторые странности в его поведении за пределами аудитории. Ему, считала она, было позволительно не заметить здоровающегося с ним студента, пройдя мимо с несколько отрешенным видом, или бросить раздраженную реплику в адрес неподготовленного к экзамену молодого человека, нервно перелистывая толстый учебник и не скрывая возмущения тем, как тот вообще посмел появиться.

Катя хорошо помнила экзамен по кардиологии, когда ей пришлось отвечать следующей за одним из таких сокурсников. Он, запинаясь, оправдывался перед экзаменатором и ссылаясь на плохое самочувствие. «Плохо чувствующие себя студенты должны брать справку

и сдавать экзамен в другое время», — говорил профессор, не отрывая глаз от лежащей перед ним книги. Возмущенный и раздраженный, он даже не глянул на Катю, когда она села перед ним с экзаменационным билетом в руках. С упавшим на дно грудной полости сердцем, понимая, в каком невыгодном положении она находится, Катя начала отвечать. Вначале, казалось, он даже не слушал ее, но спустя пару минут стал медленнее переворачивать страницы книги, на которую обрушилось его раздражение, затем отодвинул учебник и впервые взглянул на нее своими глубокими темно-коричневыми глазами. Она запнулась лишь на последнем вопросе, пытаясь вспомнить напрочь вылетевший из головы термин. Наступила небольшая пауза, в течение которой, как думала Катя, решалась ее судьба. Но злополучное слово в памяти не всплывало. Профессор с затаенной улыбкой и явной симпатией разглядывал растерявшуюся студентку, затем одной фразой натолкнул ее на правильный ответ. С остановившимся дыханием Катя смотрела, как он мелким почерком выводил «отлично» в ее зачетке. Она хорошо помнила, как он поднял на нее глаза и сказал: «Вас я хотел бы видеть на нашей кафедре».

Профессор Прудников ежегодно брал по одному студенту себе в ученики. Впоследствии они все становились именитыми кардиологами и

кардиохирургами. К сожалению, Катя и Павел не оказались в числе его подопечных. Потапов Олег Абрамович, который заведовал кафедрой в то время, предложил Павлу быть его учеником, а Катиным научным руководителем стала милостивая пожилая женщина невысокого роста, с зелеными добрыми глазами и несколько отрешенным, на подобие «такова уж жизнь», выражением лица. Катя оказалась ее последней ученицей, так как она сразу же ушла из института после празднования семидесятилетнего юбилея.

Катя не пропустила ни одной лекции профессора Прудникова. Он обладал великолепным мастерством оратора и необыкновенно тонким чувством юмора, который органично переплетался со сложным лекционным материалом. Ему была свойственна удивительная манера держаться перед аудиторией: элегантно, непринужденно и в то же время с едва уловимым высокомерием. Все это, а также его выдающиеся заслуги как непревзойденного практика делали каждого слушателя почитателем его великого таланта врача и учителя. В полной мере к нему относилось то, что талантливый человек одарен, как правило, во многих областях.

Высокий, подтянутый, он выглядел привлекательным и в свои немолодые годы мог составить конкуренцию многим молодым денди.

Седые волосы были аккуратно зачесаны назад, открывая большой лоб. Вытянутое лицо с удлинённым носом и по-детски выпяченной нижней губой озарялось каким-то внутренним светом с каждой его улыбкой, иногда непроизвольно обозначавшейся на, казалось бы, угрюмой физиономии. Катя не раз ловила себя на мысли о том, как чертовски симпатичен он, по-видимому, был в молодости. Лишь иногда в редкие минуты задумчивости мышцы его лица слегка напрягались, отчего все черты вдруг становились жесткими и колкими, придавая ему несколько аскетичное выражение, которое тут же менялось, как только он обращался к аудитории.

— Мам, как тебе удалось стать его ученицей? — не раз спрашивала Катя Елену Аркадьевну, искренне завидуя ей.

— Потому что была отличницей, подававшей большие надежды. Тебя ж он тоже заметил, раз хотел видеть на своей кафедре, — отвечала она дочери. — В наше время у него было много учеников, все стремились попасть к нему. Он набирал к себе по пять ежегодно. Не знаю, почему сейчас он берет только по одному. Наверное, уже тяжело... Немолодой все-таки.

Помолчав, с легкой грустью вспоминая свои студенческие годы, Елена Аркадьевна продолжала:

— Какой он всегда был энергичный, полный

сил, идей, планов и... сумасшедше красивый, с эдакой манерой «мне все по плечу». Наши студентки умирали, влюблялись страшным образом. Тогда он был в расцвете своих сил. В тридцать пять лет уже доктор наук, в сорок — академик, звезда мировой величины.

— Он, наверное, расстроился, что ты не доучилась, — предположила Катя.

— Ха, — усмехнулась, сверкнув большими карими глазами, Елена Аркадьевна. — Наивная. Таких, как я студентов, у него столько было, что, думаю, он даже не заметил моего отсутствия.

Они поднялись на третий этаж и направились к кабинету заведующего кафедрой биохимии. Широкие, но темные из-за недостатка попадающего сюда дневного света коридоры были пусты и прохладны, невзирая на палящее июльское солнце за стенами здания. Катя набрала воздух полной грудью, когда Павел постучал в дверь.

— Да, — услышали они знакомый голос.

Потапов встал из-за стола и протянул им по очереди руку.

— Проходите, садитесь, — указал он на стулья, стоящие за небольшим столиком напротив его рабочего угла.

В свои шестьдесят четыре года Олег Абрамович оставался живым, подвижным и мало

изменившимся за год. На нем были тщательно отутюженные брюки из зеленовато-коричневой дорогой ткани и светло-голубая рубашка, обтягивающая слегка свисающий над широким кожаным ремнем животик, который, как казалось Кате, был даже кстати, учитывая видное положение его хозяина. Черные блестящие туфли с заостренными носами, которые были в моде среди молодежи, свидетельствовали в пользу его хорошего вкуса. Серые редкие волосы слегка возвышались над большими залысинами, делающими его и без того большой лоб еще крупнее. Бледно-голубые глаза живо вращались в своих орбитах, выдавая энергичную натуру их обладателя. Крупноватый, слегка загнутый нос придавал еще больше солидности всему виду пожилого, располагающего к себе профессора. Он уселся за свой рабочий стол, утонув в глубоком кресле.

— С первого сентября вы начнете вести лабораторные и семинарские занятия во всех группах, — сразу же без лишнего предисловия начал он. — У тебя, Павел будет один курсовик и один дипломник, а Катя будет научным руководителем у студентки, оставшейся после Максимовой.

— Большое спасибо, Олег Абрамович, — начала Катя, даря пожилому мужчине

очаровательную улыбку. — Я даже не мечтала об этом.

— В ближайшее время подумаем над вашими кандидатскими темами, и где-нибудь через полгода-год начнете вести спецкурсы, — продолжал удовлетворенный Катиной благодарностью профессор.

— Спасибо, — снова улыбнулась Катя.

— Когда мне лучше подойти к вам обсудить детали? — спросил Павел. — Как у вас со временем?

— Давай где-нибудь через неделю покажись, обсудим твою тему, а с Катей можем начать с сентября, а то сразу с вами двумя будет сложнее. Договорились? — Олег Абрамович снова вскочил из-за стола, направляясь к кофеварке. — Кофе поьем?

— С удовольствием, — ответил Павел.

Катя была заморожена. Она не верила своим глазам и ушам. Ее бывший преподаватель, известный профессор, один из тех, на кого с почтением и даже некоторой опаской посматривали студенты, заваривал для нее кофе. Именитые уважаемые люди науки, которые в ее воображении были полубогами, а иногда даже кем-то вроде инопланетян, становились ее коллегами. У нее даже застучало в висках от осознания того, на каком уровне ей предстояло начать свою карьеру. Она

обвела взглядом достаточно просторную комнату, наслаждаясь запахом крепкого кофе. Разнообразные сувениры занимали все свободные места на полках. Она подошла к огромному рогу, сплетенному из какого-то прочного материала наподобие лозы, с восхищением разглядывая его.

— О, это от моих коллег из Грузии. Лет семь назад был в Тбилиси на конференции, — заметив Катину любопытство, объяснил Потапов.

Он живо вскочил и направился к холодильнику.

— Сливки? — спросил он. — Я-то предпочитаю без них: больше тонизирует.

— Мы тоже, — отреагировал Павел.

Прощаясь с Олегом Абрамовичем, Катя все еще пребывала, как во сне. Она охотно протянула ему руку, слегка пожимая ее, и не сводила с него благодарных глаз. Они направились к лестнице, обмениваясь впечатлениями от встречи. Неожиданно для себя в конце коридора они увидели Лилию Гавриловну, пожилую преподавательницу, работавшую на кафедре со времени ее основания. Она не вела никаких дисциплин у Кати с Павлом, но знала их как одних из лучших студентов института. Она слегка замедлила шаги, как будто припоминая их. Молодые люди почти в одно слово поздоровались с ней.

— Здравствуйте, здравствуйте, — громким лекторским голосом приветствовала их пожилая женщина.

Она подняла глаза на Павла, затем медленно перевела взгляд на Катю, казавшуюся рядом с мужем совсем маленькой:

— Надо же, не побоялись покинуть тихую спокойную провинцию, тоже сюда.

Она буравила Катю своими узкими глазками, отчего та почувствовала себя мелкой букашкой под прицелом хищной птицы.

— Ну и правильно, — продолжала Лилия Гавриловна, явно удовлетворенная произведенным эффектом, поскольку Катя инстинктивно прижалась к мужу, стараясь скрыться от ее взгляда. — Будем работать вместе.

Она резко по-деловому развернулась, всем своим видом демонстрируя, что ее время общения с ними истекло.

— До свидания, — снова почти одновременно произнесли бывшие студенты.

— До свидания, — не поворачиваясь к ним, медленно, в том же стальном тоне проговорила женщина, продолжая движение в заданном направлении.

— Как-то не по себе от встречи с ней, — проговорила Катя, когда они спустились с крыльца здания.

— Что ты не знаешь Попову? Вспомни, сколько Мишка про нее рассказывал. Фурия, заживо съедающая студентов, — говорил Павел. — Кто она нам, просто коллега по работе. Наш начальник — Потапов, а он мужик классный.

— Да, никогда не ожидала, что он такой простой, — воодушевилась Катя, вспоминая недавнюю встречу.

Они шли мимо высоких деревьев, окаймлявших дорожку, которая вела к автобусной остановке. Проходя мимо лиственницы, Катя замедлила шаги, вдыхая полной грудью приятный хвойный аромат. Она резко повернулась к мужу и бросилась к нему на шею.

— Спасибо, Пашка, — почти прокричала она и повисла на нем, болтая в воздухе ногами с перевернутыми вверх тоненькими каблучками. — Я такая счастливая, что буду здесь работать. Так, домой. И надо снова вспоминать теорию, готовиться к занятиям.

— Хорошая ты моя, — улыбался, глядя на нее, муж. — Как я люблю, когда ты радуешься.

Глава 4

— Иду, иду, — прокричала Катя, услышав настойчивый непрерывный звонок в дверь.

Павел продолжал держать руку на кнопке

звонка даже после того, как Катя открыла дверь. Они с Мишей буквально ввалились в квартиру.

— Так, так, — посмотрела на веселых и довольных мужчин Катя. — И чем же вы занимались на кафедре? Попробую догадаться. Итак, длительное время работали с этанолом, готовя демонстрационные препараты.

— Вторая попытка, — проговорил Павел, сняв наконец не подчинявшуюся ему туфлю.

— Привет, Катюша, — кинулся обнимать ее Миша.

Сильный запах спиртного сразу же заполнил маленькое пространство уютной прихожей.

— Да посидели, поговорили немного с профессором, — улыбался Павел. — Ну что, посидим у нас теперь, поговорим.

Он указал рукой в направлении кухни. Миша охотно прошел и сел за небольшим столиком, за которым как раз могло уместиться не более трех человек.

— Кать, поставь-ка чайник, попьем крепкого чая, а то кофе мы уже напились, — попросил муж, растягивая слова таким образом, каким ему было свойственно их произносить только в состоянии изрядного подпития, когда голова оставалась все еще светлой, а язык не мог справиться с возложенной на него задачей.

— Я сейчас подойду, — кричал из спальни

Павел, переодеваясь на ходу.

Катя поставила на стол сладкое, сахарницу, блюдо с нарезанным кружочками лимоном и села в торце, подняв глаза на Мишу.

— Ну что, ребята, расслабились? — спросила она, глядя на улыбающегося друга.

— Кать, а можно мне тебя хоть раз поцеловать... по-настоящему, а? — проговорил он, все так же довольно улыбаясь и простодушно разглядывая Катино лицо.

— Паш, ты не убьешь меня за один поцелуй с твоей женой? — прокричал он, приподнимая голову, чтобы слова отчетливо донеслись до адресата.

— Только один и неглубокий, — ответил Павел из глубины квартиры.

Миша стал совершенно естественно и безобидно приближаться к Катиному лицу. Она вдруг вспомнила свои эротические фантазии, в которых он когда-то присутствовал. Чуть ниже Павла, он был очень хорошо сложен. Аккуратные очки в серебряной оправе придавали всему его облику какой-то особо утонченный вид, более интеллигентный и ученый. Небольшой прямой нос, миндалевидные зеленые глаза делали его лицо чересчур правильным и очень привлекательным. Катя не отстранилась, слегка приоткрыв рот в ответ на прикосновение его теплых губ, и даже

встрепенулась внутри от пробежавшего легкого возбуждения. Затем она резко прервала контакт, ощущая сильный коньячный запах, исходивший от Миши. Он замороженно смотрел на нее:

— Никак не ожидал, что ты так великолепно целуешься, — проговорил он, затем, слегка наклонившись к ней, тихо продолжил шутливым тоном. — Я с удовольствием навещу тебя, когда Павел будет в какой-нибудь командировке.

— Так, ребята, в общем, чай — и по домам. Оля уже ждет тебя, наверное, — посмотрела Катя на Мишу.

— Она привыкла к моему непредсказуемому рабочему расписанию, — улыбаясь, говорил он.

— Золотая у тебя жена, — заполняя чашку кипятком, комментировала Катя.

— Это правда, — довольно соглашался он.

Миша познакомился с будущей женой на дискотеке родного города перед поступлением в институт. Оля была очень приятной, приветливой девушкой среднего роста и несколько крупноватого телосложения, чем совершенно отличалась от Кати. Рядом с женой, Миша казался очень худым и стройным. Их мимолетная встреча оказалась судьбоносной, так как Миша, несмотря на большой выбор студенток медицинского института, несколько раз даже замеченных с ним в темных уголках общежития, в конечном итоге предложил

руку и сердце простой работнице молочного завода, с которой встречался четыре года, приезжая домой на выходные. При всех симпатиях к Оле, Катя все же была удивлена и всегда задавалась вопросом, чем же та так околдовала Мишу. В девичьих беседах подруги, которыми они стали сразу же после первого знакомства, иногда касались тем, связанных с избранниками их сердец.

— Я в него по уши влюбилась с первой встречи. Он приезжал ко мне как к жене, мы уже давно спали вместе, — простодушно объяснила Оля. — Что мужикам еще надо?

Катя тогда подумала, что ее мама вряд ли бы позволила ей «спать» с кем бы то ни было до замужества. В этом вопросе Елена Аркадьевна было совершенно категоричной. Катя также вспомнила Мишину фразу, которую он невзначай бросил в ответ на ее вопрос о том, почему же он все-таки не остановил свой выбор на одной из сокурсниц. Катя была убеждена, что прочные семейные отношения складываются между людьми с общими взглядами и сходным интеллектом. «Слишком много запросов и никакого секса — просто пугающая комбинация. Так что пусть остаются сами с собой», — выразился тогда Миша. «Не всем по плечу искусство добиваться женщину», — подумала в ответ про себя Катя. Как бы это ни казалось удивительным, но по всему было видно, что союз Миши и Оли был

достаточно крепким и основанным, по мнению Кати, прежде всего на хороших человеческих отношениях, чему они с Павлом откровенно радовались.

Павел охотно отвечал на Катини вопросы о его дружбе с Мишей. Они познакомились еще детьми в одной из секций по борьбе. С тех пор стали проводить свободное время вместе то ли в зале, то ли с другими детьми во дворе. Миша всегда был молчалив и, как губка, впитывал всю информацию от Павла.

— А кто из вас был лучше в секции? — спрашивала Катя.

— Я, — скромно отвечал Павел. — Иногда приходилось выступать друг против друга. Но все было по-честному.

— У, — кивала головой жена. — Так он был у тебя в тени.

— Ну, я б так не сказал, — улыбался Павел.

— И в институт решили в один и тот же поступать, — продолжала Катя. — И здесь ты его затмевал. Бедный Мишка.

Павел уснул, едва коснувшись подушки. Легкое похрапывание в постоянном ритме заполняло небольшую спальню, подтверждая заведенный порядок социальной жизни, разбитой на маленькие ячейки, называемые семьями,

которые всегда стремятся создать уют на занятых ими территориях большого общественного «корабля». Катя взглянула на мужа, которого ничуть не беспокоил тусклый свет настенного бра. Он даже не почувствовал и не шевельнулся, когда она легла рядом. Воспоминания унесли ее в большую аудиторию, в которой они часто оставались после занятий.

Катя сразу же обратила внимание на высокого светловолосого юношу, внимательно изучавшего свой конспект. Он был очень сосредоточен и, казалось, не замечал ее. Иногда поглядывая на него со стороны, она пыталась представить себя рядом с ним, в качестве его девушки, мысленно воображая их предстоящее свидание. Будто через каких-нибудь полчаса они, держась за руки, будут идти по проспекту в направлении кинотеатра «Центральный», затем купят билеты на задние ряды и проведут остаток вечера, наслаждаясь обществом друг друга с волнующими прикосновениями юношеских рук и губ. Иногда она будет жеманно отклоняться от его настойчивых поцелуев, довольно улыбаясь и сверкая счастливыми глазами, в которых будет отражаться слабый свет, льющийся с огромного экрана. В разгаре сюжета его ладонь коснется ее острого колена, затем несмело скользнет вдоль упругой кожи, приподнимая подол короткой юбочки. В возбуждении она на мгновение

крепко сожмет ноги, напоминая ему, что она хорошо усвоила все правила поведения юной леди, привитые ей в семье и образовательных учреждениях, затем кокетливо вскинет голову, слегка хихикнув, и освободит его руку из временных тисков. Он также осторожно продолжит движение ладони, давая понять, что уважает ее чувства и принимает утвержденные обществом правила поведения, не собираясь вступать в противоречие с принципами морали. Не улавливая целиком смысла происходящего на экране, они будут сосредоточены на своих ощущениях, подогревающих кровь и усиливающих сердцебиение. Яркие блики изредка будут скользить по ее коленям, которые она аккуратно прикроет легкой кофточкой, предоставляя большую свободу действий его руке. Он не подаст вида, что понял ее одобрение, настойчиво пробираясь дальше. Давно потеряв главную нить событий, разворачивающихся на экране, они будут увлечены только друг другом, не замечая никого вокруг...

Будто пробуждаясь ото сна, Катя слегка потрянула головой, устыдившись своих смелых мечтаний. Затем беззвучно усмехнулась, пытаясь представить его девушку. «Она, без сомнения, стройная, высокая, — думала про себя Катя, — с пышными, чуть ниже плеч, светлыми волосами и очаровательными, небесного цвета глазами».

Как будто почувствовав, что о нем думают, молодой студент поднял голову и посмотрел на сидящую чуть выше и сбоку от него девушку. В этот момент в аудитории, лишенной окон, погас свет, превращая все вокруг в полную темноту. Катя вздрогнула от неожиданности. «Я узнаю, в чем дело», — услышала она голос молодого человека, аккуратно пробиравшегося в направлении узенькой полоски света, который пробивался из-под плотной двери лекционного помещения. Катя резко выпрямилась, пытаясь уйти из плена эротических фантазий. Через минуту свет появился. Она проворно сунула все свои принадлежности в сумку и поспешила к выходу, желая уйти незамеченной, все еще стыдясь недавних мыслей. В двери она буквально натолкнулась на него. «О, уже все? — удивился он. — Кстати, я Павел, а тебя как зовут?» «Катя, — ответила она, несмело поднимая на него глаза».

— Который час? — Павел медленно оторвал от подушки плохо подчинявшуюся ему голову.

— Одиннадцать. Пора вставать, — ответила Катя, перекладывая вещи, наспех заброшенные на полки шкафа в первый день приезда. — Ну что, синдром похмелья?

— Нет, все нормально, — неуверенно ответил муж. — Хочу кофе.

Бодрящий напиток постепенно возвращал Павла к нормальной жизни.

— Ты не представляешь, мы так классно посидели и поговорили с Потаповым, — посмотрел он на жену.

— Я могла это заметить, — спокойно произнесла она.

— У него в холодильнике чего только нет. И водка, и коньяк, и виски, грибочки соленые, огурчики закатанные... Мужик что надо и выпить может, — Павел с наслаждением глотал крепкий кофе.

— Ну, так диссертацию вы обсудили с ним? — спросила Катя, собирая в пучок свои шелковистые волосы.

— А как же. С этого начали, разумеется. А там и разговорились о том, о сем, — Павел обнял жену за талию и усадил на свои колени. — Оказывается, непросто ему там приходится. Эти пожилые преподаватели ничего не хотели там делать, только занимали места да деньги получали. Поэтому он и стал обновлять свою кафедру. Попова вот осталась. Он ее терпеть не может, аж морщится, когда о ней говорит.

Павел отставил пустую чашку, встал с Катей из-за стола и понес ее в зал.

— Поповой он оставил на следующий год только полставки. Вторую половину отдал тебе, —

продолжал Павел.

— Так вот почему она съедала меня своим взглядом, — вдруг вспомнила выражение лица пожилой женщины Катя. — А вторые полставки он у кого забрал? Кто еще обрушится на меня со своей «любовью»?

— Вторые полставки остались от ушедшей на пенсию Максимовой. Так что не переживай, — похлопал ее по спине муж. — Там многие сразу ушли на пенсию по собственному желанию, когда увидели, что с ним им придется работать, а не время отсиживать. Десять лет сидят, никаких статей, новых пособий на кафедре. Болото. Вот он и взялся. Привел молодых, своих подопечных, которые уже защитились с ним, одного, правда, из научно-исследовательского института, биолога.

— Биолога? — посмотрела на него Катя. — В мединститут?

— А почему нет? Он вроде очень хороший биохимик, хоть и без медицинского образования, — продолжал Павел. — Да, так сейчас, говорит, и они начинают там носами вертеть. Как только получили должности, так и забыли, кому обязаны. Лаборанты чуть ли не в жесткой оппозиции. Моисеевна — помнишь ее? — пенсионерка, работающая там с самого начала, все козни строит. Одна только лаборантка — он ее взял с мая на кафедру — за него. Так те ее не терпят.